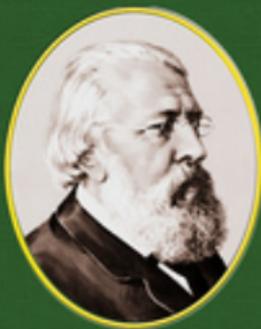

И. С.
АКСАКОВ

Сочинения

Иван Сергеевич Аксаков

Возврат к народной жизни путем самосознания

«Мелкий дождь моросит не переставая; сыро, мокро, скользко; серый туман, как войлок, облегает небо; воздух тяжел и удушлив; холодно, жутко, кругом грязь и слякоть, земля как болото, все рыхло, все лезет врозь. Осень.

Безотрадно путнику. Но что же внезапно, сквозь туманную пелену воздуха, поражает и приковывает, и радует его взор, и как-то свежит и молодит душу?.. Это озими, это изумруды полей в черной раме осенней грязи, это зеленые всходы будущей жатвы, молодые ростки добрых, хлебных зерен!..»

Иван Сергеевич Аксаков
Возврат к народной жизни
путем самосознания

Мелкий дождь моросит не переставая; сыро, мокро, скользко; серый туман, как войлок, облегает небо; воздух тяжел и удушлив; холодно, жутко, кругом грязь и слякоть, земля как болото, все рыхло, все лезет врозь. Осень.

Безотрадно путнику. Но что же внезапно, сквозь туманную пелену воздуха, поражает и приковывает, и радует его взор, и как-то свежит и молодит душу?.. Это озими, это изумруды полей в черной раме осенней грязи, это зеленые всходы будущей жатвы, молодые ростки добрых, хлебных зерен!

И мы всей душой, всем сердцем, душой, наболевшей от долгого тщетного ожидания, сердцем, неустававшим любить и верить, – с радостным упованием приветствуем молодые, зеленые всходы русской земли, первые шаги пробуждающейся народной жизни! Для нас, в современной действительности, действительно только одно: подъем народного духа, проснувшийся, оживший, повеселевший народ. Девятнадцатого февраля 1861 года начинается новое летосчисление русской истории...

Вне народной почвы нет основы, вне народного нет ничего реального, жизненного, и всякая мысль благая, всякое учреждение, не связавшееся корнями с исторической почвой народной, или не выросшее из нее органически, не дает плода и обращается в ветошь. Все, что не зачерпывает жизни, скользит по ее поверхности и тем самым уже осуждено на бессилие и становится ложью. И сколько накопили мы лжи в течение нашего полуторастолетнего разрыва с народом!.. Это не значит, чтобы до разрыва не было у нас ни зла, ни мерзостей: их было много, но то были пороки, порождения грубости и невежества. Только после разрыва заводится у нас *ложь*: жизнь теряет цельность, ее органическая сила убегает внутрь, в глубокий подземный слой народа, и вся поверхность земли населяется призраками и живет призрачною жизнью!

И на каком же широком просторе разгулялась, да еще и разгуливает эта ложь! Все внутреннее развитие, вся жизнь общества, как проказой, поражены и растлены ею. Ложь! Ложь в просвещении, чисто внешнем, лишенном всякой самодеятельности и творчества.

Ложь в вдохновениях искусства, сияющего воплотить чуждые, случайные идеалы. Ложь в литературе, с надменною важностью разрабатывающей задачи, созданные историческими условиями, чуждыми нашей народной, исторической жизни; в литературе, болящей чужими болезнями и равнодушной к скорбям народным. Ложь в порицании нашей народности, не в силу негодующей, пылкой любви, но в силу внутреннего нечестия, инстинктивно враждебного всякой святыне чести и долга. Ложь в самовосхвалении, сопряженном с упадком духа и с неверием в свои собственные силы. Ложь в поклонении свободе, уживающемся рядом с побуждениями самого утонченного деспотизма. Ложь в религиозности, преданности вере, прикрывающей грубое безверие. Ложь в торжестве диких учений, созданных бесстыдным невежеством, безбоязненно оскорбляющим общественную совесть и не смиряющимся пред очевидною несокрушимую крепостью коренных основ народной жизни. Ложь в легкомысленной гоньбе за новизною под чужестранного фирмою прогресса и цивилизации. Ложь в гуманности и обра-

зованности, которыми, в своей систематической непоследовательности, щеголяет наше общество, допускающее, без разбора, самые несовместимые начала, закрывающее глаза от выводов, обходящее сознательно все основные вопросы, раболепствующее всем модным кумирам современности и выдающее за подвиг высокого благородства и терпимости дешёвое уменье замазывать, не разрешая, самые непримиримые противоречия!.. Страшное, невиданное сочетание ребяческой незрелости со всеми недугами дряблой старости, — и при всем том исцеление возможно и даже несомненно! Мы это все чувствуем, мы даже не можем усомниться в том искренно, и заря нашего спасения уже брезжит!

Недуг громаден, но соразмерна ему и громадная крепость организма. Русь сладит с болезнью. Народ сохранил в себе запас силы непотраченной, уберег свои коренные начала, не поддался никаким опасным искушениям и соблазнам, не освятил добровольным участием и согласием никакого существенно нарушения своего внутреннего строя, не уложился ни в одну заготовленную форму за-

граничного изделия – и этим своим безучастием, бездействием, этою благодетельною неподвижностью, так часто осмеянною и непонятною, спас себя и нас и воздействовал на оторванных своих членов... В нас пробудилось сознание.

Да, изо всех испытаний, пережитых и переживаемых Россией, мы вынесли теперь драгоценнейшее благо, залог нашего будущего выздоровления: понимание нашей болезни, способность глядеть ей прямо в лицо, не отворачивая смущенного взора, сознание лжи, заедающей наши силы, и в то же время сознание нашей народной сущности, сознание начал, развитие которых составляет условие нашего спасения и наше призвание в истории человечества. Поблагодарим Провидение! В мудром строении Божиим, в общей экономике истории пережитые нами испытания должны занять свое законное место, принести благие плоды, и кто знает, может быть, этот самый мучительный разрыв был нам спасителен и нужен.

Почему?

Слаба, ненадежна народность, не воору-

женная сознанием, опирающаяся на одну непосредственность быта. Чем шире и свободнее от односторонности народные начала, тем труднее вполне соответственное их выражение на земле, тем необходимее полнота сознания для правильного и стройного их проявления в жизни. Кажется, Провидению угодно вести Россию, и не только Россию, но и все славянские народы, этим особенным, строгим путем развития, путем, на котором, говоря языком философским, анализ возвращает народы к синтезу жизни снова, не разрушая его силы, но утверждая его и сливаясь с ним в цельном явлении духа. Ни одно славянское племя не было освобождено от этого испытания: каждое из них, как известно, подверглось и подвергается опасности утратить свою народность; многие племена не выдержали и погибли, но большая часть из них возродилась или возрождается вновь трудным *подвигом самосознания*.

Удивительное дело! Казалось, исчез народ, сам забыл о своем существовании, – и вот кафедра ученого исследователя возвращает его к жизни, и полумертвый труп оживает, согре-

тый солнцем мысли! Мы думаем, что племена славянские не успокоятся, и хаос славянского мира останется хаосом до тех пор, пока сила пробужденного самосознания не выработает формы жизни, более или менее соответственные особенным, внутренним требованиям славянской народности.

К такому же жизненному испытанию, к такому же духовному подвигу призвана и Россия. Мучительным, медленным процессом добывалось и у нас наше самосознание, и не напрасно жили и потрудились для него подвижники русской мысли: Киреевские, Хомяков и Константин Аксаков. Точка зрения, добытая, постановленная и выраженная ими, составляет, по нашему убеждению, поворотную точку в истории русского просвещения и, как маяк, озаряет дальнейший, предлежащий нам путь развития. Не пускаясь здесь в пространные рассуждения, скажем кстати, что знамя нашей газеты есть знамя русской беседы, знамя русской народности, понятой и определенной Киреевскими, Хомяковым, Аксаковым Константином и всей так называемую славянофильскою школой. Каждому беспристраст-

ному читателю известно теперь, что это учение, независимо от личных уклонений последователей, чуждо односторонности и исключительности относительно Запада, и что все обвинения подобного рода были изобретены, во время оно, недобросовестностью или непонятливостью, а всего чаще увлечением противных направлений. Впрочем, кажется, эти обвинения в настоящее время едва ли уже не рассеялись сами собою. По крайней мере мы с радостью видим, что многие из выработанных славянофильскою школою положений уже обратились теперь в общее достояние и нашли себе защитников и в других органах нашей печати.

Но возвратимся к предмету нашей беседы.

Итак, мы имеем теперь перед собою два явления, составляющие существеннейшие условия нашего будущего развития: с одной стороны, плод полуторастолетнего периода, выработанное сознание наших народных начал, пребывающее однако еще в области отвлеченной, отрешенной от жизни; с другой, как бы в соответствие этому движению мысли, — движение и пробуждение самой жизни

народной, вызванное великим делом 19-го февраля.

Обе стороны, обе разорванные половины подвигаются друг к другу, и только слияние их может восстановить ту цельность общественного организма, без которого невозможны никакие правильные отправления жизни общенародной.

Но это сближение не должно быть понимаемо одним внешним образом.

Сколько ни приписывайся к волостям, сближения не достигнешь, пока не соединишься с народом в области духа, пока не проникнешься его основными, духовными и историческими началами. *Вне этого условия, вне исторического камертона, какую бы ни взяли ноту, она будет фальшива и только усилит всеобщий диссонанс, от которого и без того уже так давно страждет слух и не слышать голоса истины.*

Обличение этой лжи в явлениях, доступных критике, будет постоянною задачею нашей газеты.